

Сухой колодец в холодном дворце был темен, словно глотавший лунный свет гроб.

Се Линь очнулся от холода. Не от ветра, не от инея — от прикосновения пальцев к какому-то свёртку. Он был плотно, донельзя замотан черной марлей, слой за слоем, напоминая то ли саван, то ли какое-то благоговейное заклятие. Се Линь должен был подумать, что это вещь кого-то из преждевременно умерших слуг, но стоило его ногтю поддеть первый слой ткани, как кровавые иероглифы, словно живые змеи, выползли из черноты и змеиным узором забрались ему в зрачки.

«История гибели Великой династии Инь: Обрывок».

Он узнал его. Он писал его собственной рукой. Каждая черта, каждый штрих, каждая фраза «Сын Неба лишен добродетели, храм предков повержен в прах» были его предсмертными словами, которые он в прошлый жизни высекал на эшафоте обрубком пальца, смачивая его в крови, буква за буквой вписывая в анналы. Но та книга еще десять лет назад обратилась в пепел вместе с ним — Се Линем, Великим Историком, безумцем, который доказывал правду ценой собственной жизни, — и была зарыта в императорской яме позора.

Он усмехнулся, и его смех разбился ледяными крошками в морозной ночи.

— Опять за свое? — пробормотал он, проводя пальцем по извивающимся кровавым знакам. — Хотите заставить меня умереть еще раз?

Он стал читать. Слово за словом, словно заклинание, словно сутру.

В первую ночь колодезная вода покрылась льдом.

Во вторую ночь дежурный евнух сошел с ума, крича: «Историк ест иероглифы!»

В третью ночь софоры за стенами дворца сбросили листву без всякого ветра, и опавшие листья усыпали землю, сложившись в иероглиф «Се».

В четвертую ночь ему приснилось, что он стоит во Дворце Цзиньлуань, а все гражданские чиновники и военачальники стоят на коленях, и никто из них не смеет поднять на него взгляд — не от трепета, а от ужаса, будто перед ними была живая могила.

В пятую ночь он начал писать. Ногтями, кровью, соком мха, сочившегося из швов между кирпичами холодного дворца, он переносил на стены слова из указа. Он писал быстро, но его почерк становился все больше похож на почерк совсем другого человека.

В шестую ночь он заснул, и во сне кто-то набросил ему на плечи лисью шубу — очень теплую, пахнущую оазисным благовонием.

На седьмую ночь вспыхнул пожар.

Огонь взметнулся со стороны Восточного дворца, словно алый дракон, разорвавший ночное небо. Се Линь, набросив одежду, толкнул створку окна и как раз увидел юного принца, привязанного к жертвенному алтарю. Тот был облачен в золотые одежды и читал про себя Книгу сыновней почтительности, но прежде чем языки пламени поглотили его горло, он истошно завопил: «Се Линь! Это ты! Это ты написал!»

Отсветы пожара отразились в оконной решетке, окрасив свиток указа в алый, как свежая кровь, цвет.

Кровавых иероглифов прибавилось еще на строчку.

«Се Линь, ты все-таки прочел».

Он замер, а затем громко рассмеялся — до слез, до кровавой пены на губах, но все же наклонился, медленно свернул свиток с Кровавым Указом и спрятал его за пазуху, двигаясь так бережно, будто прятал любовное послание.

— Хорошо же, — пробормотал он. — Ты наконец-то соизволил явиться мне на глаза.

Когда императорская стража выломала дверь, он сидел на краю колодца и, используя Кровавый Указ вместо веера, неторопливо обмахивался им.

— Оборотень Се Линь, немедленно прими смерть! — первый из военачальников указал острием сабли ему прямо в горло.

Се Линь не отпрянул, лишь поднял глаза и улыбнулся так, будто был ребенком, только что стянувшим сладость:

— Чего вы боитесь? Боитесь, что я запишу вас до смерти? Или боитесь, что я прав?

Никто не осмелился ответить.

В этот самый момент из тени дверного прохода неторопливо шагнула темная фигура. С нефритовой пластиной на поясе, с бровями и взглядом холодными, как иней, — это был глава Цензората Цэнь Чжао.

На нем не было чиновничьего облачения, лишь простые одежды, а волосы не успели до конца собрать в узел, словно он только что оторвался от бумаг. Позади него стояли десятки цензоров, каждый с мертвенно-бледным лицом, прижимая к груди стопку толстых доносов, где каждое слово разило наповал: «Се Линь якшается с нечистой силой, сеет смуту и сбивает людей с

толку, должно предать казни все три его рода».

Цэнь Чжао не посмотрел на Се Линя.

Он взглянул лишь на тот свиток с указом.

Затем он поднял руку и тихо произвел:

— Сжечь.

— Что? — изумился военачальник.

— Все свидетельские показания, — голос Цэнь Чжао был негромким, но во дворе разом воцарилась мертвая тишина. — Предать огню одновременно. Не оставлять ни единого иероглифа.

— Господин! Но это же доказательство государственной измены!

— Безумный бред, — Цэнь Чжао наконец поднял глаза, и его взгляд, острый как лезвие, скользнул по присутствующим. — Разве может он служить законом?

Никто не посмел возразить.

В бушующем пламени семьдесят три совместных мемориала обратились в пепельных бабочек и бесследно растаяли в воздухе.

Се Линь наблюдал за этим, и его смех стал только звонче.

— До чего же ты забавен, — произнес он. — Другие хотят убить меня, а ты — свидетелей.

Цэнь Чжао ничего не ответил. Он подошел ближе, снял собственную лисью шубу и бережно набросил Се Линю на плечи. От шубы еще исходило тепло человеческого тела, а аромата оазисного благовония был точь-в-точь как во сне.

Се Линь остолбенел.

— Ты... — в горле у него застрял ком, он хотел о чем-то спросить, но слова не шли с языка.

Цэнь Чжао наклонился, чтобы завязать тесемки, и его пальцы коснулись старого шрама на боку Се Линя — следа от сковавших его в прошлой жизни железных цепей.

— То, что ты читал, — это не проклятие, — прошептал он так тихо, будто боялся спугнуть чей-то сон. — Это последнее письмо, которое ты написал мне десять лет назад.

Се Линь всем телом содрогнулся.

— Невозможно, — покачал он головой. — То письмо я сжег. Перед самым эшафотом я сжег его своими руками.

— Ты сжег бумагу, — Цэнь Чжао вглядывался в него, и в глубине его глаз залегла бездонная боль. — Но не сжег слова.

Се Линь резко вскинул голову.

Мерцающее пламя свечи выхватило из полумрака профиль Цэнь Чжао — эти брови, эти губы, изгиб подбородка были абсолютно неотличимы от тех, что были у человека из его воспоминаний: того, кто в снежную ночь грел ему руки, переписывал за него книги и закрывал от девяноста девяти ударов палками при дворе.

— Ты... — его голос дрожал. — Разве ты... не умер?

Цэнь Чжао улыбнулся, и в этой улыбке блеснули слезы, но они так и не упали.

— Ты написал в письме: если я умру, ты будешь использовать кровь вместо туши и испишешь все их фальшивые истории. А если я буду жить, ты не посмеешь умереть. Поэтому я проглотил Пилюлю Забытой Души, инсценировал собственную смерть и обменял ее на твою жизнь.

Дыхание Се Линя прервалось.

Он вдруг вспомнил, как перед самой смертью в прошлой жизни, прикусив кончик языка, он написал на последней странице исторических анналов вовсе не проклятие — мольбу о спасении.

— Цэнь Чжао, если ты жив, приди и спаси меня.

Но он так и не дождался.

Он умер в луже крови, а Цэнь Чжао, как думал весь мир, давным-давно отдал жизнь за родину.

— Ты... — дрожащим голосом произнес Се Линь, протягивая руку, чтобы коснуться его. — Почему ты... не сказал раньше?

— Потому что, — пальцы Цэнь Чжао мягко коснулись его макушки, точно он гладил потрепанный ветхий свиток, — если бы ты знал, что я жив, ты бы не сошел с ума. А не сойди ты с ума, ты бы не смог написать этот Кровавый Указ. Не напиши ты его, и этот мир действительно стал бы тем кошмаром из твоих хроник, который никто не осмелился бы записать.

Се Линь заворуженно смотрел на него, и слезы наконец сорвались с ресниц, упав на Кровавый Указ и размывая небольшое алое пятно.

Кровавые иероглифы в этот миг едва заметно дрогнули в слезах, словно отзываясь на них.

Ночь углубилась, императорская стража удалилась, и в холодном дворце остался лишь шум ветра.

Цэнь Чжао не ушел.

Он сидел на краю ложа при свете единственного светильника, развернув потертый бамбуковый свиток — «Записки об императорском роде Великой династии Инь», единственный уцелевший экземпляр, сгоревший в том пожаре десять лет назад.

Он перевернул страницы и остановился на обрывке листа.

Тушь на нем словно еще не высохла.

Там отчетливо значилось:

«Если Цэнь Чжао умрет, я буду использовать кровь вместо туши и испишу все их фальшивые истории».

Се Линь уставился на эту строку и вдруг рассмеялся — пронзительно и в то же время нежно.

— Выходит... — прошептал он. — Я давным-давно... сам написал этот финал.

Цэнь Чжао свернул бамбуковый свиток и бережно положил его тому на колени.

— А теперь, — тихо произвел он, — настала моя очередь писать новый.

За окном лунный свет сиял подобно инею, освещая в глубине сухого колодца полоску черной марли, которая медленно взмывала вверх, словно душа, возвращающаяся в родные края.

А в рукаве Се Линя беззвучно перевернулся Кровавый Указ, являя новые письмена, и алый

свет засиял, как зрачок:

— Се Линь, ты наконец-то узнал меня.

<http://bllate.org/book/19340/1891102>